

На правах рукописи

Карамурзов Ренат Барасбиевич

**ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА МЕЖДУНАРОДНЫХ
ЭКОНОМИЧЕСКИХ СОПОСТАВЛЕНИЙ
НА ОСНОВЕ ППС ВАЛЮТ**

**(на примере социально-экономического развития
стран Центральной Азии и Южного Кавказа в 1990–2012 гг.)**

Специальность – 08.00.14 – Мировая экономика

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора экономических наук

Москва – 2015

Работа выполнена в Институте стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Научный консультант: доктор экономических наук, профессор,
Фридман Леонид Абрамович

Официальные оппоненты: **Бельчук Александр Иванович,**
доктор экономических наук, профессор
кафедры мировой и национальной экономики ФГБОУ ВПО «Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации»

Жуков Станислав Вячеславович,
доктор экономических наук,
Институт мировой экономики
и международных отношений РАН,
руководитель Центра энергетических исследований

Пищик Виктор Яковлевич,
доктор экономических наук, профессор
кафедры «Мировые финансы» ФГБОУ
ВПО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт экономики Российской академии наук»

Защита диссертации состоится «__» _____ 2015 г. в __:__ часов на заседании диссертационного совета Д 002.030.01 при ФГБУН Институте Африки РАН по адресу: 123001, г. Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1, конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГБУН Института Африки РАН по адресу: 123001, г. Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1, <http://www.inafran.ru>.

Автореферат разослан «__» _____ 2015 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат экономических наук

Маценко И.Б.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Изучение траекторий экономического роста и эффективности различных стратегий реформирования народного хозяйства в бывших советских республиках Центральной Азии и Южного Кавказа представляет значительный научный интерес. Получение реалистичных оценок итогов произошедших изменений имеет важное практическое значение, поскольку на основе таких сведений руководители различных национальных ведомств, международных организаций и лидеры разного рода региональных объединений делают выводы о целесообразности принятия тех или иных решений.

При оценке экономического потенциала страны пристальное внимание уделяется величине валового внутреннего продукта (далее – ВВП) в целом и в расчёте на душу населения. Поскольку изначально этот показатель подсчитывается статистическими ведомствами каждой страны в единицах национальной валюты, для международных сопоставлений значения ВВП необходимо привести к единому сопоставимому виду. В последние десятилетия для решения этой задачи всё чаще используется методика, основанная на концепции паритета покупательной способности (далее – ППС) валют, смысл и содержание которой отвечают указанным выше целям в гораздо большей степени, чем применявшиеся ранее обменные курсы валют.

Подсчёт коэффициентов ППС валют с конца 1960-х гг. осуществляется совместными усилиями нескольких международных организаций в тесном сотрудничестве с национальными статистическими ведомствами стран мира в рамках Программы международных сопоставлений (далее – ПМС). Количественные результаты, полученные в ходе проведения раундов ПМС, являются основным источником такого рода данных; они базируются на расчётах, подкреплённых тщательно разработанной методологией, и наиболее полных первичных ценовых сведениях. Международные организации, как правило, принимают новые данные, оставляя за собой право корректировать их в соответствии с собственными представлениями о положении той или иной страны, территории, региона в геоэкономической картине мира. Поэтому цифры о размерах ВВП по ППС валют в базах данных организаций, предоставляющих такие сведения, могут различаться, порой довольно существенно. Оправданность отдельных корректировок итоговых результатов ПМС остаётся спорной.

Многие авторы работ, посвящённых международным экономическим сопоставлениям, ограничиваются использованием данных того или иного источника, как правило, не подвергая серьёзному критическому анализу методы, которыми эти сведения были получены, не принимая в расчёт имеющиеся альтернативные оценки. В результате игнорируется проблема **многовариантности** оценок ВВП по ППС валют, что не способствует повышению качества всего исследования и может отразиться (и отражается!) на научной и практической ценности полученных результатов.

По причине интегрального, обобщающего характера показателя ВВП наличие даже самых полных и реалистичных оценок его значений и динами-

ки не может служить основанием для предположений об аналогичных изменениях в условиях жизни людей. Выявить основные тенденции и оценить масштабы изменений уровня благосостояния населения позволяет анализ показателей социальной сферы. Этот подход может осложняться наличием несовпадающих или даже противоречивых сведений по одним и тем же индикаторам, содержащимся в разных базах данных. Для выяснения причин подобных расхождений и определения наиболее близких к действительности оценок необходим максимально полный учёт всех доступных сведений и анализ дополнительных материалов.

Важной особенностью базовых макроэкономических индикаторов и показателей социально-экономического развития в Центральной Азии и на Южном Кавказе является то, что статистические сведения по своей полноте, широте охвата и регулярности появления существенно различаются от страны к стране.

Необходимость получения реалистичной картины итогов самостоятельного развития государств Центральной Азии и Южного Кавказа на протяжении двух десятилетий (1990–2012 гг.) в сочетании со слабой изученностью указанных вопросов и сложностью возникающих задач предопределили актуальность темы диссертационной работы.

Степень разработанности научной проблемы представлена широким спектром научных публикаций по вопросам социально-экономического развития бывших советских республик, в том числе стран Центральной Азии и Южного Кавказа в трудах А.И. Бельчука, Л.Б. Вардомского, Л.А. Гордона, С.В. Жукова, Э.В. Клопова, Е.М. Кузьминой, В.А. Мельянцева, Л.А. Фридмана.

Принципы международных сопоставлений, в том числе различные аспекты теории, истории и практического применения концепции ППС валют раскрыты в работах А.А. Афанасьева, С. Бризмана, М. Грайс–Хатчинсон, Г. Касселя, Дж.М. Кейнса, К. Кларка, И. Крэвиса, Э. Мэддисона, Л. фон Мизеса, А. Пигу, Д. Рикардо, К. Рогоффа, Дж. Ротбарта, Р. Де Ровера, Дж. Салерно, Р. Саммерса, А. Смита, П. Студенского, Дж. Уитли, Дж. Френкеля, Э. Хекшера, А. Хестона, Дж. Холмса, Д. Юма.

В процессе работы над диссертацией проанализированы фундаментальные исследования, посвященные вопросам экономического развития, а также освещены конкретные проблемы хозяйственной деятельности отдельных стран и территорий. Имеются в виду разнообразные аспекты материального быта и условий жизни людей, а также социальные структуры в исторической ретроспективе, изученные Ф. Броделем, П. Буассонадом, С.Н. Булгаковым, М. Вебером, Г. Ву, Е.Т. Гайдаром, У. Истерли, Г. Кларком, И.М. Кулишером, Р. Кэмероном, С.А. Нефедовым, Ж. Ле Гоффом, Р. Лукасом, Дж. Мокыр, Б.Н. Мироновым, М. Монтанари, М.И. Ростовцевым, Д. Нортон, Э. Хелпманом, Й. Шумпетером.

Получению собственных количественных оценок уровня развития некоторых территорий способствовало изучение работ по проблемам **квантификации** экономической истории Р. Голдсмита, П. Маланимы, Б. Милановича, Э. Ло Кашио, Д. Ратбоуна, У. Скэйдла, К. Хопкинса.

Несмотря на широкое использование в различных работах количественных оценок, полученных на основе концепции ППС валют, многие вопросы её применения при международных сопоставлениях остаются неисследованными. Отметим недостаточное, на наш взгляд, внимание со стороны специалистов к проблеме многовариантности оценок при изучении экономического потенциала и уровня развития стран и регионов мира.

Объект исследования – международные экономические сопоставления на основе ППС валют и социально-экономическое развитие стран Центральной Азии и Южного Кавказа.

Предмет исследования – методика и результаты применения международных экономических сопоставлений на основе ППС валют при анализе страновой, региональной и общемировой экономической динамики и геоэкономической структуры современного мира, а также направление и масштабы изменений индикаторов социально-экономического развития стран Центральной Азии и Южного Кавказа.

Цель диссертационного исследования – определить тенденции экономической динамики стран Центральной Азии и Южного Кавказа на основе анализа теории и практики международных экономических сопоставлений, базирующихся на концепции ППС валют и индикаторов социально-экономического развития.

Для её реализации в диссертационном исследовании были поставлены и решены следующие **задачи**:

- конкретизировать особенности методики международных экономических сопоставлений, в частности, специфику развития и применения на практике элементов теории ППС валют при оценке экономического потенциала и уровней экономического развития отдельных стран в рамках ПМС;

- выявить более реалистичные траектории экономического развития отдельных стран мира в 1990-х – 2000-х гг., в том числе крупнейших по численности населения (Китай, Индия, Индонезия и др.), и стран с экономикой переходного типа с учётом результатов глобального раунда ПМС 2005 года, а также предшествующих раундов;

- охарактеризовать социально-экономические процессы в Центральной Азии и на Южном Кавказе и выявить наиболее вероятные сценарии изменений величины ВВП (в целом и на душу населения) в изучаемых странах в условиях кризиса переходного типа, а также в период восстановительного и поствосстановительного (там, где он имел место) экономического роста;

- оценить характер и масштабы изменений реальных доходов населения и структуру расходов домашних хозяйств в перечисленных выше странах в период их постсоветского развития вплоть до 2010 г.;

- определить направления, особенности и глубину изменений в сфере потребления основных продуктов питания в условиях отсутствия сопоставимых сведений по ряду стран за большую часть рассматриваемого периода;

- проанализировать изменения жилищных условий населения в изучаемых странах за годы независимости, опираясь на материалы об обеспе-

ченности населения жильем и динамику некоторых показателей жилищного строительства;

– оценить состояние системы здравоохранения на основе анализа ряда количественных показателей, позволяющих судить об эффективности затрат на медицинское обслуживание населения, в частности, о результативности лечения отдельных заболеваний;

– выявить основные тенденции развития народного образования на постсоветском пространстве исходя из динамики числа учебных заведений, учащихся и педагогических кадров.

– установить основные тенденции, направления и масштабы изменений в сфере науки в изучаемых странах в 1990–2010 гг.

Теоретическая и методологическая основа исследования – работы российских и зарубежных учёных, методические руководства Всемирного банка (далее – ВБ), Международного валютного фонда (далее – МВФ), Центра международных сопоставлений Пенсильванского университета, Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (далее – ФАО), Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), Национального научного фонда США (National Science Foundation, NSF), межгосударственного статистического комитета СНГ, статистических ведомств РФ, стран Центральной Азии и Южного Кавказа.

Информационная база исследования – справочные издания и базы данных ВБ, МВФ, Центра международных сопоставлений Пенсильванского университета, Евростата, Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Центрального разведывательного управления (далее – ЦРУ) США, а также ВОЗ, ФАО, Национального научного фонда США, материалы государственных статистических служб стран СНГ, а также межгосударственного Статкомитета СНГ, аналитические материалы и таблицы исторической статистики Энгаса Мэддисона.

Область исследования соответствует паспорту специальности 08.00.14 – Мировая экономика ВАК Минобрнауки РФ.

Научная новизна диссертации заключается в следующем. Анализ имеющихся статистических сведений выявил существенные расхождения в оценках ВВП (полученных на основе ППС валют) многих стран мира, в том числе государств Центральной Азии и Южного Кавказа. Значительные масштабы этих различий имеют принципиальное значение, т.к. в зависимости от выбора того или иного источника (издания, базы данных) меняются место и роль стран и регионов в геоэкономической картине мира. В соответствующих исследованиях, посвященных сопоставлениям базовых макроэкономических показателей на основе ППС валют, в лучшем случае отмечается сам факт расхождений между величинами ВВП (ВНП, ВНД) стран и территорий; гораздо реже рассматриваются масштаб и характер этих различий. Большинство исследователей ограничивается анализом данных какого-либо одного источника статистических сведений, и при этом фактически игнорируются все другие.

Проведенный в работе анализ позволил установить, что появление больших различий между разными оценками соответствующих величин ВВП

по ППС валют связано с особенностями организации и процедур проведения ПМС, а также нынешней методикой «продления» данных её отдельных раундов на основе темпов экономического роста. Таким образом, значительные масштабы расхождений между соответствующими данными различных источников не являются следствием случайных ошибок, напротив, их появление, по указанным причинам, закономерно и носит системный характер. Этот вывод может послужить основанием для критического пересмотра современной практики расчётов ППС валют и их применения при международных экономических сопоставлениях.

В процессе анализа было установлено, что сведения ни одного отдельно взятого источника не могут быть признаны однозначно лучшими, соответственно, ни одной из баз данных не может быть отдано предпочтение перед другими. Поэтому в работе обосновывается целесообразность рассмотрения подобной многовариантности оценок величины ВВП по ППС валют в качестве самостоятельной научной проблемы.

Элементами научной новизны отличаются все разделы диссертации, посвящённые изучению социально-экономического развития стран Центральной Азии и Южного Кавказа на протяжении двух десятилетий, в частности, выводы о характере динамики соответствующих индикаторов.

Отдельные научные результаты исследования представляют собой новые теоретические положения и практические рекомендации, сформулированные и полученные лично автором работы. Наиболее существенные из них:

- сформулирована проблема **многовариантности** оценок макроэкономических показателей при международных экономических сопоставлениях;
- установлено, что специалисты отдельных международных организаций при составлении временных рядов макроэкономических показателей, рассчитанных на основе концепции ППС валют, используют методы, принципиально противоречащие её смыслу и содержанию;
- дана новая оценка величины абсолютного минимума средств существования (*subsistence minimum*) в денежном выражении, имеющая принципиально важное значение для исследований, посвящённых вопросам квантификации экономической истории;
- предпринята попытка квантификации итогов экономического развития человечества на протяжении 2000 лет;
- установлены причины значительных расхождений в оценках величины ВВП Китая по ППС валют в изданиях и базах данных ведущих международных организаций и исследовательских центров. С учётом особенностей функционирования статистической службы КНР в 1960-х гг. указан источник противоречий между сведениями официальной статистики темпов экономического роста этой страны на протяжении второй половины XX–начале XXI вв. и оценками отдельных исследователей. Обоснована проблема получения реалистичной картины текущего уровня экономического развития Китая;
- определение реалистичных траекторий развития стран Центральной Азии и Южного Кавказа относительно РФ на протяжении 1990-х – 2010-х гг. позволило оценить перспективы экономической реинтеграции на постсоветском

пространстве. С учётом опыта Европейского союза выдвинуты предположения относительно характера взаимодействия между Россией, Белоруссией и Казахстаном, с одной стороны, и Киргизией и Таджикистаном, с другой, в случае вступления последних в Таможенный союз ЕврАзЭС;

- уточнены соотношения уровней экономического развития России и США (а также России и среднемировых показателей) за период с начала XX в. (в том числе в 1913 г.) до начала XXI в. (в том числе в 2013 г.) с учётом итоговых данных международных сопоставлений;

- рассчитана величина реальной заработной платы в странах СНГ (и Грузии), начиная с 1990 г., на основе индекса потребительских цен (далее – ИПЦ) и дефлятора ВВП. По сравнению с аналогичными сведениями, содержащимися в официальных данных Статкомитета СНГ и национальных ведомствах (рассчитанных на основании ИПЦ, базовым является 1991 г.), полученные расчёты существенно меняют представление о масштабах изменений доходов и условий жизни значительной части населения этих стран;

- проанализирована структура потребительских расходов населения в 1990–2010 гг. стран Центральной Азии и Южного Кавказа;

- предложен комплексный подход к изучению динамики уровня потребления продуктов питания, базирующийся на анализе продовольственных балансов и результатах обследований домашних хозяйств. Для некоторых стран анализ натуральных показателей потребления отдельных продуктов дополнен оценками количества белков, жиров и углеводов в рационе питания. Выявлены сдвиги в структуре рациона питания, характерные для большинства изучаемых стран, в отдельные периоды их независимого развития. Наглядно продемонстрировано, как не критичное отношение к данным о потреблении продуктов питания, без проверки их на непротиворечивость и согласованность с другими аналогичными сведениями, может приводить к существенным искажениям и принципиально неверным выводам;

- выявлены особенности изменений, произошедших в сфере здравоохранения в странах Центральной Азии и Южного Кавказа (а также в РФ, Белоруссии, Молдове и Украине) в период с 1990 по 2010 гг., на основе данных о величине и структуре расходов на медицину, численности медицинских работников различного уровня квалификации. С учётом специфики интерпретации статистических сведений о численности больных некоторыми заболеваниями сделан вывод о результативности мер, направленных на охрану здоровья граждан;

- проанализированы изменения, произошедшие в странах СНГ (и Грузии) в сфере образования за первые два десятилетия их независимого развития; в частности, рассмотрены показатели динамики количества учебных заведений, численности учащихся и педагогов;

- на основе анализа динамики интегральных показателей – общей площади жилищного фонда, обеспеченности населения жильём, объемов жилищного строительства (на примере средней площади и количества введенных квартир) – сделан вывод о характере и основных направлениях измене-

ний, произошедших в жилищной сфере рассматриваемых государств в 1990–2010 гг.;

– обобщены итоги самостоятельного развития стран-членов СНГ в сфере науки. На основе наукометрических показателей сделаны выводы о характере, масштабах и основных тенденциях произошедших изменений.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Применение концепции ППС валют при изучении мирового экономического пространства и его составляющих неизбежно приводит к многовариантности расчетов и оценок интегральных экономических показателей, отражающих экономические размеры и уровни экономического развития различных стран.

2. Изменения в методологии подсчёта коэффициентов ППС валют в ходе раунда ПМС 2005 г. не могут считаться причиной значительных различий его итоговых результатов и прежних оценок. Полученные в ходе раунда ПМС 2005 г. сведения о величине ВВП по ППС валют в 2005 г. не являются абсолютно точными, тем не менее, есть все основания считать их лучшими из имеющихся. Они получены на основе наиболее полных сведений, собранных по единой методике, при участии и под контролем экспертов разных стран и международных организаций.

3. Представление данных о величине ВВП по ППС валют (в целом и в расчёте на душу населения) с мнимой точностью до одной единицы (доллара, евро, рубля и т.п.), широко принятое в практике ведущих международных организаций и исследовательских центров, необосновано. Одним из доводов в пользу этого утверждения являются масштабы расхождений в оценках уровней экономического развития отдельных стран в разных источниках.

4. Оценка Э. Мэддисона абсолютного минимума средств существования в размере 400 долл. (в постоянных ценах 1990 г. по ППС валют) ошибочна. Проведенный сравнительный анализ с использованием результатов раундов ПМС и сведений базы данных ВБ «РосcalNet» даёт основание утверждать, что величину этого показателя необходимо снизить до 150–200 долл. (в постоянных ценах 1990 г. по ППС валют).

5. Разрыв между уровнями доходов наиболее и наименее развитых стран и регионов мира существенно возрос за последние 2000 лет. В начале н.э. подушевой ВВП самых развитых регионов мира был примерно в 3–4 раза выше, чем в наиболее отсталых уголках планеты, а к концу первого десятилетия XXI в. величина аналогичного разрыва достигает 50 (нередко существенно больше) раз. Доход на душу населения «типично» бедных стран и территорий за 2000 лет вырос (если он вырос) не более чем в 1,5–2 раза, тогда как доходы жителей наиболее развитых (по меркам эпохи) регионов увеличились в 40–50 и более раз. Однако даже в начале третьего тысячелетия потребление (в широком смысле) примерно пятой части мирового населения находится на уровне, более или менее сопоставимом с таковым для отсталых регионов мира в I веке н.э.

6. При появлении результатов очередного раунда ПМС эксперты ВБ производят пересчет величины ВВП за предыдущие годы, преимущественно

на основе данных о темпах экономического роста. При таком подходе могут не учитываться или искажаться разного рода структурные и ценовые характеристики ВВП, имеющие ключевое значение при подсчёте коэффициентов ППС валют.

7. За время независимого развития стран Центральной Азии и Южного Кавказа сформировались две группы государств, различающихся главным образом наличием или отсутствием крупного потенциала энергоносителей:

а) страны, обладающие крупным экспортным потенциалом энергоносителей (Азербайджан, Казахстан, Туркменистан), к настоящему времени в целом восстановившие масштабы их «экономического расстояния» от России по уровню развития, по сравнению с последними годами существования СССР;

б) страны, не обладающие сколько-нибудь крупными источниками «нефтегазовых» энергоносителей – Киргизия, Таджикистан, Грузия, Армения. Масштабы экономического расстояния между уровнями развития этих государств и России (по сравнению с последними годами существования СССР) увеличились в несколько раз.

Особое место занимает Узбекистан, не располагающий столь же крупными источниками доходов от экспорта энергоносителей, как страны первой группы.

8. Гипотеза о крайне неудовлетворительных результатах экономического развития (измеряемых динамикой подушевого ВВП) России относительно США на протяжении XX века опирается на данные 1913 и 1998 гг. и не учитывает результатов динамики ВВП в 1999–2013 гг. Анализ новейших данных показал, что соотношение подушевых ВВП (в первом приближении – уровней экономического развития) России и США в 2013 г. было в 1,5 раза выше чем в 1913 г.

9. В период кризиса переходного типа во всех изучаемых странах произошло значительное (порой в разы) снижение величины реальной заработной платы.

10. В странах Центральной Азии и Южного Кавказа к концу 2000-х гг. величина удельного веса расходов на продукты питания приблизилась к уровню 1990 г., сравнялась или даже оказалась ниже него. Доля расходов на непродовольственные товары ни в одной из стран, в которых наличие соответствующих данных позволяло провести подобное сравнение, не сравнялась с докризисным уровнем. Уменьшение доли расходов на непродовольственные товары обусловлено ростом удельного веса расходов на оплату услуг (в большинстве рассмотренных стран они нередко в 2–3 раза выше докризисных значений). В изучаемых странах (возможное исключение – Туркменистан) доля расходов на оплату услуг существенно выросла. При этом «вес» услуг в общих расходах домашних хозяйств возрос не в результате повышения их реального потребления, а в значительной степени из-за роста цены.

11. Практически во всех странах Центральной Азии и Южного Кавказа происходило сокращение количества постоянных дошкольных учреждений, численности обучавшихся в них детей и педагогических работников. При этом изменение количества общеобразовательных школ, численности их

учеников и учителей, как правило, было разнонаправленным. Характерная особенность послешкольного образования в рассматриваемый период в государствах Центральной Азии и Южного Кавказа – увеличение количества вузов и средних специальных учебных заведений. Число первых во всех странах обоих регионов (кроме Узбекистана) возрастало быстрее. Другая общая тенденция для всех стран (по которым имелись соответствующие сведения) – увеличение численности студентов вузов в расчёте на одного преподавателя. Аналогичные показатели для средних специальных учебных заведений, напротив, сокращались (исключение – Азербайджан).

12. Во всех странах Центральной Азии и Южного Кавказа в период их независимого развития имел место рост номинального показателя обеспеченности населения жильём. Другой общей тенденцией для всех изучаемых государств был спад в сфере жилищного строительства. Важной структурной особенностью этого процесса было то, что сокращение общего числа строившихся квартир сопровождалось увеличением их средней площади.

13. В сфере науки во всех странах-членах СНГ (и Грузии) имело место снижение численности специалистов-исследователей и значительное сокращение объемов выполненных научно-технических работ.

Практическая значимость диссертации. Методы и подходы, выработанные и использованные в процессе работы над диссертацией, могут применяться в научных исследованиях, посвященных международным сопоставлениям.

Непосредственно результаты диссертационного исследования могут быть полезны для использования в работе различных международных организаций. Межгосударственные экономические объединения (например, таможенный союз ЕврАзЭС) могут применять результаты исследования для оценки уровня социального и экономического развития стран, претендующих на вхождение в их состав.

Результаты и статистические материалы, содержащиеся в диссертации, также могут применяться при разработке общих и специальных курсов лекций, посвященных развитию мирового хозяйства, международным экономическим сопоставлениям, экономической истории России и бывших республик СССР, положению развитых и развивающихся стран, в том числе, и особенно России, а также государств Центральной Азии и Южного Кавказа в конце XX–начале XXI вв.

Выводы и заключения, сделанные в ходе изучения проблемы многовариантности экономических сопоставлений, могут быть полезны специалистам таких международных организаций, как ВБ и МВФ для совершенствования методики оценки и представления данных о ВВП различных стран, при проведении очередных раундов ПМС и подведении их итогов.

Уточнения, количественные оценки и прочие результаты, касающиеся уровня хозяйственного развития древних эпох, могут быть востребованы учёными-экономистами, историками и специалистами в области культурной антропологии.

Апробация результатов исследования. Результаты исследования были представлены и обсуждены на Российском экономическом конгрессе 2009 г., Российском экономическом конгрессе 2013 г., III Международном конгрессе «Глобалистика 2013», конференциях «Ломоносовские чтения» (2009, 2010, 2011, 2012, 2013 гг.), «Ломоносов» (2012), международных научных конгрессах «Перспектива» (2008, 2009, 2010, 2011, 2012 гг.), на кафедрах экономики и экономической географии и международных экономических отношений ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова.

Публикации. Основные результаты исследования изложены в 26 научных работах, в том числе двух монографиях, 14 статьях в российских журналах, рекомендованных ВАК РФ, а также журнале *Scientometrics*, входящем в Топ-25 % журналов по критерию импакт-фактора согласно рейтингу Thomson Reuters. Общий объем публикаций составил 29,66 п.л.

Структура и объем работы. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, списка использованной литературы, приложения (содержит 155 таблиц), 7 рисунков; работа изложена на 470 страницах.

Во *введении* обоснована актуальность темы диссертации, проанализирована разработанность проблемы, сформулированы цель и задачи исследования, определены объект и предмет исследования, теоретическая, методологическая и информационная базы исследования, изложена его научная новизна, приведены основные научные результаты и показана практическая значимость диссертационной работы.

В *первой главе* рассмотрены: различные аспекты базовой теории современной методики международных экономических сопоставлений – концепции ППС валют; современное теоретическое содержание данной концепции, история её возникновения в эпоху Великих географических открытий и развития на протяжении последующих веков, а также особенности практического применения её принципов в Программе международных экономических сопоставлений.

Вторая глава посвящена проблемам, связанным с практическим использованием результатов ПМС. Проанализированы замечания авторитетного эксперта в области международных (в том числе и в историческом контексте) сопоставлений профессора Э. Мэддисона, относящиеся к итогам раунда ПМС 2005 г. Приведены примеры последствий недостаточно внимательного отношения к использованию различных экспертных оценок, полученных методом, не учитывающим особенности смыслового содержания концепции ППС валют.

В *третьей главе* с учетом специфики методик международных экономических сопоставлений, проанализированы итоги хозяйственного развития государств Центральной Азии и Южного Кавказа с 1990 г. по 2010 гг. Для исключения ошибок, связанных с ретрополяцией данных о ВВП по ППС валют, проанализировано положение этих стран в окружающем мире на основе материалов нескольких региональных и глобальных раундов ПМС. Особое внимание уделено динамике темпов экономического роста в изучаемых странах в 1990–2012 гг. на основе сведений национальной статистики.

В четвертой главе исследованы показатели, позволяющие получить объективное представление об уровне жизни населения, а также особенности динамики трудовых доходов, полученной расчётом величины реальной заработной платы (на основе ИПЦ и дефлятора ВВП) за все годы изучаемого периода. Проанализированы сдвиги в структуре расходов домашних хозяйств, а также характер и масштабы изменений потребления отдельных продуктов питания на основе данных продовольственных балансов и результатов обследования домашних хозяйств.

В пятой главе на основе анализа динамики различных показателей социальной сферы сделан вывод об условиях жизни людей в странах Центральной Азии и Южного Кавказа. Приведены характеристики жилищных условий населения. Проанализированы: динамика базовых показателей системы здравоохранения, а также индикаторов дошкольного, школьного, среднего профессионального и высшего образования; состояние науки в странах рассматриваемых регионов в 1990–2010 гг.

В заключении обобщены основные теоретические выводы и изложены результаты диссертационного исследования.

В приложение включены статистические материалы и аналитические таблицы по теме исследования.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

1. Современная методика международных экономических сопоставлений основана на элементах теории ППС валют. Предсказания этой теории относительно поведения обменных курсов валют (для чего она и разрабатывалась шведским экономистом Г. Касселем в начале XX в.) не получили статистического подтверждения. Тем не менее, в самой формулировке ППС валют содержалась идея, приобретающая особую значимость в контексте международных сопоставлений. Имеется в виду принцип расчета переводных коэффициентов валют на основе сравнения цен соответствующих товаров.

2. С конца 1960-х гг. под эгидой ООН и ее специализированных организаций разработана и реализуется ПМС, в рамках которой с различной регулярностью производится подсчет ППС валют. Как правило, при появлении данных очередного раунда ПМС эксперты ВБ и МВФ принимают новые сведения, не внося в них никаких изменений. В то же время специалисты некоторых научных центров предпочитают дополнять и корректировать первичные данные, собранные в ходе ПМС. Наконец, отдельные исследователи лишь продлевают результаты, полученные в ходе того или иного (лучшего, на их взгляд) раунда ПМС. В результате имеют место различные расчеты и оценки ВВП не только по десяткам небольших государств Азии, Африки и Латинской Америки, но и по таким демографическим и экономическим гигантам, как Китай и Индия, иным многонаселенным странам Азии и Африки, а также России и другим странам-членам СНГ.

3. Результаты глобального раунда ПМС 2005 г. по ряду стран вызвали бурную дискуссию в научных кругах. По мнению некоторых исследователей (среди них особое место занимает выдающийся специалист по вопросам мировой экономической истории Э. Мэддисон), имеются серьезные основания для сомнений относительно целесообразности применения некоторых методов обработки результатов, использовавшихся в ходе раунда ПМС 2005 г. Но эксперты ВБ и МВФ, как и раньше, практически полностью и без изменений приняли новые данные, по-видимому, посчитав критические высказывания в адрес методики подсчета ППС валют недостаточно убедительными. Не вдаваясь в тонкости методики международных экономических сопоставлений, можно констатировать: сведения о величине ВВП по ППС валют многих развивающихся стран, имевшиеся до раунда ПМС 2005 г., в лучшем случае основывались на данных прежних раундов, «продлённых» на основе темпов роста ВВП, т.е. без учета или при недостаточном и субъективном учете возможных структурных сдвигов и изменений цен и ценовых пропорций в различных странах. Последнее особенно важно для оценки экономического развития Китая, Индии, Индонезии и ряда других азиатских государств, а также стран переходного типа. В этих странах структурные сдвиги и изменения ценовых пропорций в 1990-х – 2000-х гг. оказались особенно значительными по масштабам и происходили с гораздо большей скоростью, чем в развитых и в большинстве развивающихся стран (одно из исключений – «нефтегазовые» государства Азии и Африки). Таким образом, имевшиеся

до проведения раунда ПМС 2005 г. оценки ВВП по ППС валют развивающихся стран не могут претендовать на точность. Более того, во многих случаях они оказались просто ошибочными.

4. Детальный анализ критических замечаний в адрес итогов раунда ПМС 2005 г. позволил установить, что некоторые оценки Э. Мэддисона в свете имевшихся ранее и полученных в ходе раунда ПМС 2005 г. новых данных о величине ВВП Китая, стран-членов СНГ и других вышеупомянутых государств ошибочны; оценки величины ВВП Китая, полученные в ходе раунда ПМС 2005 г., ближе к действительности, чем рассчитанные Э. Мэддисоном данные по Китаю, Индии, России и некоторым другим странам; вопрос о размерах ВВП Китая приобретает не только научно-теоретическое значение, но и определенную политическую окраску, поскольку затрагивает проблему сравнительной оценки реальной экономической мощи ключевых игроков в мировом экономическом и политическом пространстве современности – Китая, США, Индии, Японии и России.

5. Критический анализ количественной оценки Э. Мэддисоном «абсолютного минимума средств существования» и связанных с этой величиной попыток определения уровня экономического развития различных сообществ ранних этапов истории человечества (в том числе Римской и Китайской империй в I в. н.э.) позволил дать иную оценку уровня развития как наименее развитых человеческих сообществ (на примере коренного населения Австралии), так и крупнейших империй Древнего мира. Это позволило, в частности, сделать определенные заключения относительно итогов экономического развития человечества за последние 2000 лет. По нашей оценке: а) разрыв между «богатыми» и «бедными» странами и территориями за прошедшие 2000 лет существенно возрос. Если в начале нашей эры подушевой ВВП самых развитых регионов планеты был лишь в 3–4 раза выше подушевого ВВП наиболее отсталых территорий Земли, то теперь величина аналогичного показателя (т.е. разрыва в уровнях развития различных государств, стран и территорий) часто достигает 50 или даже более раз; б) доход «типично» бедных за 2000 лет вырос (если он вырос), пожалуй, не более чем в 1,5 (!) – 2 раза, тогда как доходы жителей наиболее развитых (по меркам эпохи) регионов – в 40–50 раз или еще значительно больше; в) даже по прошествии двух тысячелетий около 20 % мирового населения по потреблению (в широком смысле) находится на уровне, более или менее сопоставимом (в лучшем случае – примерно в 1,5 раза более высоком) с тем, которым располагали наиболее отсталые регионы мира в I веке н.э.

6. Установлен следующий фундаментальный факт: использование в практике крупнейших международных организаций и исследовательских центров темпов экономического роста для оценки величины ВВП (а также его модификаций – ВВП и ВНД) по ППС валют не может дать полностью адекватную картину экономического потенциала и общего уровня экономического развития страны в межраундовые годы. Дело в том, что при продлении данных отдельных раундов ПМС экстра- или ретрополируются структурные и ценовые пропорции, типичные для той или иной страны непосредственно в год проведения

раунда сопоставлений. Указанные выше характеристики изменяются ежегодно (и даже ежедневно). Для получения наиболее полной картины о соотношении цен, а также о структуре ВВП (в широком смысле – всей экономики) и организована ПМС.

7. Использование методов экстра- и ретрополяции оправдано лишь на относительно небольших временных интервалах. Чем больше с течением времени происходит структурных и ценовых изменений в экономике, тем менее целесообразно применение подобного подхода. Иначе говоря, расхождения значений экстра- или ретрополированных (на основе сведений о темпах роста ВВП) оценок ПМС с результатами последующих (или предыдущих) раундов обнаруживают четкую тенденцию к росту по мере увеличения временных расстояний между расчётами.

8. Существенным недостатком данных ПМС является то, что в силу особенностей некоторых её процедур с момента проведения раунда сопоставлений до появления его результатов проходит немало времени. Так, окончательные результаты глобального раунда ПМС 1985 г. опубликованы лишь спустя 9 лет, т.е. в 1994 г., а предварительные данные раунда 2005 г. появились только в декабре 2007 г., тогда как предварительные итоги раунда 2011 г. – в конце апреля 2014 г. Даже при ежегодном проведении раундов ПМС сделанные на их основе выводы (которые могли бы стать базой для принятия решений правительствами отдельных государств и международными организациями) постоянно отставали бы во времени. Это резко снизит их научно-теоретическую и практическую ценность либо приведёт к принятию ошибочных и даже контрпродуктивных решений. Из-за сложности, дороговизны и длительности процедур сбора ценовых сведений и подсчёта ППС валют на протяжении десяти лет (с 1980 по 1990 гг.) раунды ПМС проводились с промежутком в 5 лет, с 1990 по 2005 гг. – с трехгодичной периодичностью, а последний мировой по охвату раунд – через 6 лет после 2005 г.;

9. Реальная статистико-экономическая практика реализации ПМС (точнее, ее результаты) показывает: более или менее точные итоговые индикаторы, позволяющие адекватно характеризовать ВВП стран-участниц каждого раунда, появлялись с разной периодичностью (в 5, 3 и даже в 6 лет). Данные по «межраундовым» годам, по определению, нельзя рассматривать как столь же точные, эквивалентные по достоверности результатам соответствующих раундов ПМС.

10. Важной спецификой ПМС является то, что все её этапы (раунды) характеризовались различиями в составах стран-участниц; отсутствовала четкая однонаправленная тенденция к постоянному увеличению их числа. Многие государства участвовали в одних раундах, но не участвовали в последующих. Однако затем они могли вновь оказаться в числе стран-участниц. Подобные особенности практики международных экономических сравнений дают дополнительные основания считать, что результаты раундов ПМС неодинаково точны.

11. Наиболее правильно реальную практику международных экономических сопоставлений ВВП по ППС валют, осуществляемую в рамках ПМС, а также отдельными исследователями, их группами и различными международными организациями, отражает термин «**многовариантность**».

12. Публикуемые ВБ или МВФ (а также отдельными исследователями или их группами) данные о величине всего и подушевого ВВП отдельных стран, регионов и всего мира с мнимой точностью до 1 долл. не столько позволяют точнее определить сравнительные показатели экономических размеров и (в первом приближении) уровней экономического развития отдельных стран, сколько явно преувеличивают реальные возможности современного экономического анализа даже с учетом непрерывно возрастающих мощностей, скоростей обработки данных и развития телекоммуникационных сетей.

13. Темпы экономического роста в Азербайджане, Армении, Казахстане, Туркменистане и Узбекистане в 1989–2012 гг., по данным национальных статистических ведомств и межгосударственного комитета СНГ, а также по нашим собственным расчетам и оценкам (по некоторым странам), были в целом выше, чем в России. В этих странах ВВП увеличился в 1,5–2 (и более) раза; в РФ в 2012 г. он составлял 112 % от величины 1989 г. Аналогичный показатель по Грузии (по официальным данным) не превышал 65–70 %; в Таджикистане достиг 94 %, а в Киргизии составлял 105–109 % от уровня 1989 г.

14. В 2012 г. индексы подушевого ВВП Азербайджана, Армении, Казахстана, Туркменистана и Узбекистана (160–170 % от уровня 1989 г.) существенно превышали величину аналогичного индикатора в России (115 % от уровня 1989 г.), где она мало отличалась от динамики всего ВВП (112 % от уровня 1989 г.). В Грузии подушевой ВВП в 2012 г. (около 80 % от уровня 1989 г.) существенно превысил показатель по всему ВВП (около 60 % от уровня 1989 г.). В Казахстане индексы всего и подушевого ВВП оказались почти одинаковыми (172 и 167 %) тогда как в Киргизии (108 и 83 %), Таджикистане (94 и 61 %), Узбекистане (223 и 160 %), Туркменистане (220 и 160 %) индексы подушевого ВВП по причине быстрого роста численности их населения были значительно ниже динамики всего ВВП.

15. Сопоставление данных о величине подушевого ВВП по ППС валют стран-членов СНГ позволило лучше понять объективные причины формирования таможенного союза ЕврАзЭС. За два десятилетия различия между уровнями экономического развития большинства государств на постсоветском пространстве, с одной стороны, и России, с другой, возросли (см. рис. 1). Таким образом, в изучаемый период не были созданы предпосылки в направлении их экономической интеграции в рамках СНГ. Напротив, преобладало движение в направлении, создававшим трудности для экономической реинтеграции этих стран с Россией. Так, подушевой ВВП Таджикистана в рамках СССР в 1990 г. был ниже, чем в России, примерно в 3 раза; в 2011 г. (по данным раунда ПМС 2011 г.) этот разрыв достигал уже 10 (!) раз. Аналогично подушевой ВВП Киргизии в рамках СССР был меньше российского показателя в 2,2 раза, тогда как в 2011 г. разрыв достигал почти 7,5 раз. Учитывая масштабы различий в уровне развития этих стран, с одной стороны, и

России, Казахстана и Белоруссии, с другой, можно заключить, что в случае вступления Киргизии и Таджикистана в Таможенный союз ЕврАзЭС возникнет необходимость оказания им экономической помощи, перераспределения ресурсов (в первую очередь, от гораздо более развитой России). Этот вывод подкрепляют нынешние события в Европейском союзе. Различия между уровнем развития ФРГ (подушевой ВВП по ППС валют в 2011 г., по данным раунда ПМС 2011 г., составлял 40 990 долларов) и, например, Греции (26 622 долл.) или Португалии (25 672 долл.) гораздо меньше, чем между РФ и, например, Таджикистаном. Тем не менее, в условиях ухудшения экономической конъюнктуры возникает проблема оказания помощи менее развитым членам Евросоюза.

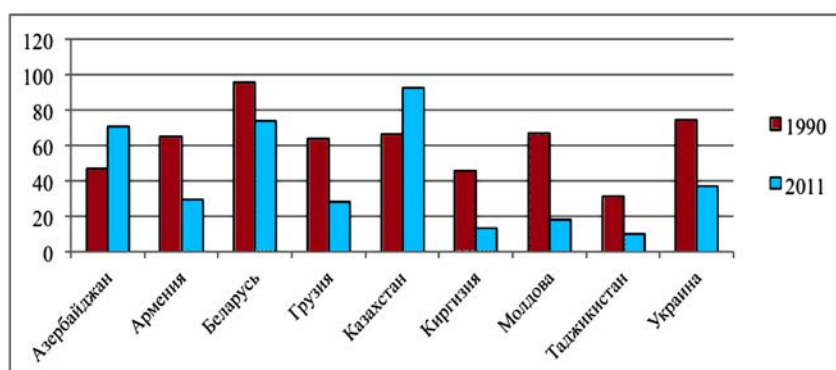

Рис. 1. Соотношения подушевых ВВП стран-членов СНГ (и Грузии) и России в 1990 и 2011 гг., % (Россия = 100 %)

16. Обнаружены серьезные расхождения между результатами экономического развития стран Центральной Азии и Южного Кавказа, полученными на основе анализа данных о темпах экономического роста (источником которых является национальная статистика) и сведений о величине ВВП по ППС валют (полученных в ходе ПМС). Так, индекс подушевого ВВП Армении в 2011 г. составил 164 % уровня 1990 г. Это значительно больше величины аналогичного индикатора в России (116 %). Однако при прямом сопоставлении размеров подушевого ВВП обнаруживается следующее: если в 1990 г. (по результатам расчетов статистиков межгосударственного статистического комитета СНГ) подушевой ВВП Армении составлял 65 % от величины аналогичного показателя РФ, то в 2011 г. (по данным раунда ПМС 2011 г.) он не превышал 30 %. Аналогично индекс подушевого ВВП Азербайджана составил в 2011 году 186 % уровня 1990 г. При этом, по данным раунда ПМС, 2011 г. подушевой ВВП Азербайджана к 2011 г. значительно превысил свой уровень 1990 г. относительно величины российского показателя (47 %), так как составил около 71 %. Таким образом, темпы роста подушевого ВВП (по сведениям национальной статистики) Азербайджана и Армении были существенно выше, чем в РФ (в 1,6 и 1,4 раза соответственно). Однако результаты, полученные на основе ППС валют, оказались совершенно разными. В Армении в 2011 г. величина подушевого ВВП (относительно российского показателя) оказалась вдвое ниже, чем в 1990 г. В Азербайджане, напротив, в 2011 г. ве-

личина подушевого ВВП (относительно соответствующего показателя РФ) существенно выросла и составила около 70 % от российского индикатора. На наш взгляд, при сравнении индикаторов экономической динамики стран за достаточно длительный временной период применение методики ПМС более объективно отражает итоги их экономического развития. Уровни цен и ценовые пропорции в разных странах изменяются неодинаково, нередко разнонаправленно. Небольшие различия в динамике подобных структурных сдвигов постепенно накапливаются и могут приводить к результатам, не соответствующим темпам роста ВВП, сообщаемым национальной статистикой.

17. Опровергнут тезис о крайне неудачных итогах развития для РФ на протяжении XX в., распространенный в научных и околонуточных кругах, а также в экономической и политической публицистике. По-мнению его сторонников (в частности, известного экономиста А.Н. Иларионова), если в 1913 г. подушевой ВВП России составлял 28 % от величины аналогичного показателя США и 96–97 % от среднемирового уровня, то в 1998 г. это соотношение снизилось до 14,4 % (от уровня США) и 66,1 % (от среднемирового уровня). Выбор 1913 г. представляется удачным по ряду причин, в частности потому, что тогда в России был достигнут максимальный уровень производства товаров и услуг за весь период со второй половины XIX и до начала XX века. Однако выбор второй даты (1998 г.) для подведения итогов развития страны на протяжении XX в., с нашей точки зрения, неудачен, т.к. это был год максимального обострения экономического кризиса переходного типа, когда весь и подушевой ВВП оказались наихудшими показателями 1990-х гг.; кроме того, использование 1998 г. в качестве итогового некорректно по формальным причинам: этот год отстоял от 1913 г. лишь на 85 лет. Более уместен для подведения итогов развития (на протяжении столетия) 2013 год. После десятилетия крайне болезненного и тяжелого периода перехода экономики и всей социально-экономической системы страны от командно-административных к рыночным методам хозяйствования соотношение подушевых ВВП РФ и США, по данным раунда ПМС, проведенного в 1999 г., не превышало 18 %. Однако дальнейший период – 1999–2013 гг. – ознаменовался завершением восстановительного экономического роста, краткосрочным кризисом 2008–2009 гг., новым восстановительным и поствосстановительным ростом. В итоге к 2013 г. соотношение подушевых ВВП РФ и США, базирующееся на результатах глобального раунда ПМС 2011 г. и последующей экономической динамике обеих стран, достигло уже 45,4 % (см. рис. 2). Это означает, что за 14 лет, прошедших после 1999 г., соотношение подушевых ВВП (в первом приближении – уровней экономического развития обеих стран) увеличилось в 2,5 раза (!). Аналогично в 2013 г. подушевой ВВП России был в 1,7 раза выше среднемирового уровня этого показателя (тогда как в 1913 г. он был меньше на 3–4 %).

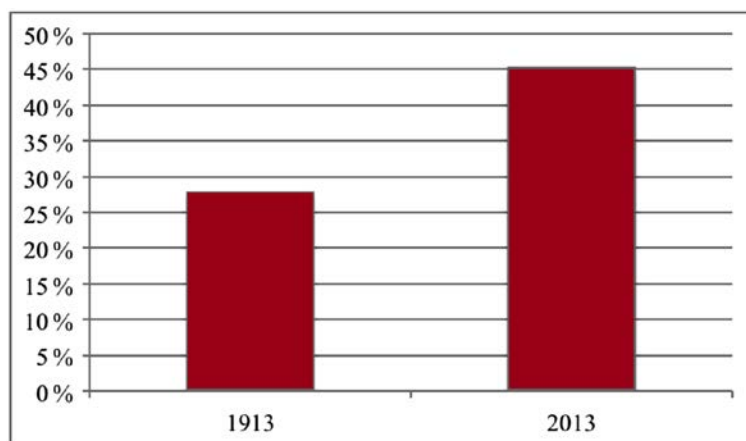

Рис. 2. Соотношение подушевых ВВП России и США в 1913 и 2013 гг., % (США = 100 %)

Таким образом, более корректное, с нашей точки зрения, подведение итогов экономического развития за последние 100 лет показывает: величина, характеризующая соотношение уровней экономического развития России и США, не только не снизилась, напротив, она увеличилась примерно в 1,6 раза; соотношение российского и среднемирового уровней ВВП также возросло – на 70–80 %. Более того, рост этого ключевого показателя целиком относится к последним 13–14 годам развития России.

18. Своеобразной объективной оценкой итогов экономического развития России в 1999–2012 гг. стало появившееся в июле 2013 г. сообщение ВБ о переводе РФ из группы государств с «верхнесредними» в группу стран с высокими доходами. Таким образом, Россия впервые перешла условную нижнюю границу, отделяющую так называемый «золотой миллиард» от остального населения Земли. В 1999 г. (когда только начинался восстановительный рост российской экономики) подобное развитие событий представлялось крайне маловероятным. Однако, несмотря на очевидные успехи экономического развития России в 2000-х и начале 2010-х гг., народное хозяйство страны ныне, как и в 1913 г., остается преимущественно сырьевым и в значительной степени зависит от экспорта энергоносителей, а также динамики цен на них. Это стало особенно очевидным в 2014 г., когда цены на нефть значительно снизились, что и послужило одной из причин существенной девальвации рубля.

19. Полученные в диссертационном исследовании результаты позволяют выдвинуть предложения для получения новых выводов и идей, положительная оценка которых соответствующими государственными институтами может обусловить создание более адекватного и привлекательного представления об итогах экономического развития России за период с начала XX в. (1913 г.) до 2000-х гг. (2013 г.).

20. По каждой из изучаемых стран были получены как минимум две оценки динамики реальной заработной платы (базовый год – 1990), рассчитанные на основе дефлятора ВВП и ИПЦ. Для большинства государств Цен-

тральной Азии и Южного Кавказа получение точных заключений количественного характера осложнено тем, что в их статистической практике имели место корректировки показателей роста цен (особенно ИПЦ). Поэтому целесообразнее вести речь об общих тенденциях и направлениях, но не о масштабах изменений трудовых доходов. Наши расчёты позволяют констатировать значительное снижение заработной платы **во всех** государствах рассматриваемых регионов в период кризиса переходного типа. На основе полученных индексов реальной зарплаты не удалось однозначно установить, были ли к 2010 г. в РФ, странах Центральной Азии и Южного Кавказа достигнуты докризисные значения. По одним расчётам, величина реальной заработной платы превысила уровень 1990 г., по другим данным – была ниже.

21. Анализ данных об изменении структуры потребительских расходов домашних хозяйств показал: к концу первого десятилетия XXI в. во многих государствах, возникших на месте бывшего СССР, величина удельного веса расходов на продукты питания (находящаяся в обратной зависимости от величины доходов населения) после существенного увеличения в середине 1990-х гг., в 2000-х гг. в целом приблизилась к своему докризисному уровню. При этом ни в одной из изучаемых стран Центральной Азии и Южного Кавказа (по которым имелись соответствующие данные) доля расходов на непродовольственные товары не вернулась к докризисному уровню. Последнее в значительной мере было связано с возросшей (по сравнению с советским периодом) долей расходов на различные услуги. Указанное структурное изменение объясняется, с одной стороны, появлением новых услуг (в частности, телекоммуникационных), а с другой стороны, тем, что субсидированные ранее государством услуги (в частности, услуги ЖКХ) стали оказываться населению по рыночным или приближающимся к ним ценам.

22. Анализ показателей потребления различных продуктов питания, содержащихся в базах данных Статкомитета СНГ и национальных статистических служб отдельных стран и рассчитанных по методу продовольственных (продуктовых) балансов, а также на материалах продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО) показал: в годы кризиса резко снижалось потребление мяса, рыбы, молока и молочных продуктов, яиц (т.е. наиболее ценных продуктов, содержащих белки животного происхождения), а также сахара. В отдельных странах Центральной Азии и Южного Кавказа потребление этих продуктов в годы экономического кризиса снижалось в 2, 3 и более раз. Но одновременно, по данным тех же материалов, потребление хлебобулочных изделий (а в некоторых республиках также овощей и фруктов) либо сокращалось незначительно, либо сохранялось на докризисном уровне, а в отдельных странах даже превышало его. На протяжении восстановительного и поствосстановительного периодов потребление перечисленных продуктов животного происхождения (а также сахара, фруктов и овощей) существенно увеличилось. Но это происходило в разных масштабах в каждой из рассматриваемых стран.

Общая энергетическая ценность пищевого рациона сокращалась менее значительно, чем потребление наиболее качественных (дорогих) продуктов питания. Более дорогие продукты замещались менее дорогими и менее качественными. Таким образом, можно констатировать, что на протяжении всего изучаемого периода сокращение количественных показателей рациона питания (например, общей калорийности) было менее значительным, чем снижение его качественных характеристик. Но необходимо отметить, что в годы углубления кризиса массовый характер приняло постоянное недоедание, характерное для значительной части или даже большинства населения стран Центральной Азии и Южного Кавказа. Однако при этом не была перейдена черта, отделяющая недоедание от массового голода, подобного тому, который наблюдался на Украине, в ряде регионов Южной России, Поволжья, а также на территории современного Казахстана в 1932–1933 гг. Это является одной из причин того, что в период глубокого экономического кризиса 1990-х гг. и в первые годы восстановительного экономического роста ни в одном из новых независимых государств не было голодных бунтов и связанных с ними социально-политических «взрывов».

23. Индикатор жилой площади, приходящейся в среднем на душу населения, в подавляющем большинстве стран-членов СНГ на протяжении 1990-х и 2000-х гг. (т.е. и во время глубокого кризиса, и в период восстановительного роста) колебался в сравнительно незначительных интервалах. Однако за этим благополучным фасадом скрывалась неприглядная действительность, связанная с увеличением площади ветхого и непригодного к жизни жилья и повышением его удельного веса в общей жилой площади каждой из этих стран. Это во многом объяснялось тем, что в годы кризиса и поствосстановительного периода масштабы жилищного строительства резко сократились. Сокращение строительства нового жилья сопровождалось ухудшением старого жилищного фонда и постепенным уменьшением масштабов ремонтных работ (особенно капитального ремонта, в котором нуждалась все большая часть старых жилых помещений). При этом сокращалось не только новое жилищное строительство, но и масштабы газификации, электрификации, водоснабжения и современной канализации. В 2000-е гг. во многих странах Центральной Азии и Южного Кавказа строительные работы, охватывающие весь жилищный комплекс, постепенно расширялись, но они не смогли компенсировать потери, постепенно накапливавшиеся на протяжении 1990-х, а отчасти и 2000-х гг.

24. Почти во всех странах Центральной Азии и Южного Кавказа удалось сохранить на более или менее приемлемом уровне систему начального и среднего образования (имеется в виду число начальных и средних школ, а также учеников и преподавателей этих учебных заведений). При этом резко уменьшилось число детских садов, что привело к выпадению целого поколения детей из системы дошкольного образования и отрицательно сказалось на качестве подготовки учащихся в начальной и средней школе. В годы кризиса в про-

мышленности, строительстве, жилищном хозяйстве, а также сельском хозяйстве резко сократилась потребность в специалистах средней квалификации. Это привело к уменьшению численности учебных заведений соответствующего профиля и уровня, а также числа студентов и преподавателей средних специальных учебных заведений.

В отличие от среднего образования, в России и в большинстве стран Центральной Азии и Южного Кавказа (исключение составляют Туркменистан и Узбекистан) даже в годы кризиса, тем более, в период восстановительного, а в отдельных странах и поствосстановительного роста сфера высшего профессионального образования (в ее внешних, формальных проявлениях) продемонстрировала отчетливую положительную динамику. В 1990-х и в 2000-х гг. число вузов и общая численность обучавшихся в них студентов увеличивались в 2, 3, а в Киргизии почти 4 раза. Но этот процесс не сопровождался адекватным увеличением числа учебных и лабораторных корпусов, общежитий, поставок оборудования для обеспечения обучения на современном уровне. Еще более серьезная проблема – недостаток профессорско-преподавательских кадров. Все это привело к снижению качества подготовки специалистов высокой квалификации, что в дальнейшем может сказаться на функционировании всей социально-экономической и политической системы каждой из изучаемых стран.

25. Общие ассигнования на систему здравоохранения в странах Центральной Азии и Южного Кавказа значительно отставали от таковых в развитых и некоторых развивающихся странах (см. рис. 3).

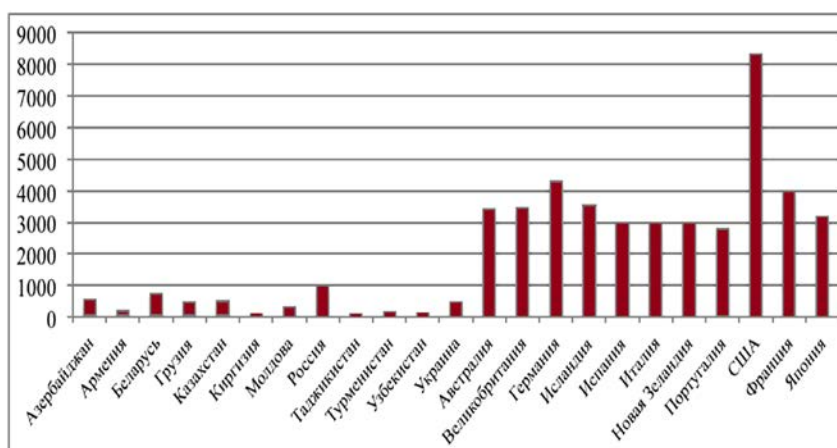

Рис. 3. Расходы на здравоохранение в расчете на душу населения в СНГ, Грузии и других странах мира по ППС валют в постоянных ценах 2005 г.

Стремление к оптимизации всех звеньев системы здравоохранения привело к уменьшению числа больниц (что особенно тяжело сказывалось на сельском населении) и возрастанию нагрузки на работу поликлиник, амбулаторий и фельдшерских пунктов. Тем не менее, несмотря на отдельные

вспышки инфекционных заболеваний, в странах Центральной Азии и Южного Кавказа, а также в России удалось избежать распространения массовых эпидемий. Специфической особенностью официальной статистики отдельных заболеваний в изучаемых регионах было то, что она не всегда адекватно отражала реальную динамику соответствующего процесса. В частности, во многих странах Центральной Азии и Южного Кавказа имел место недостаточный учет вновь заболевших теми или иными заболеваниями в годы глубокого кризиса и после его окончания.

На протяжении всего изучаемого периода из-за недостаточного государственного финансирования системы здравоохранения обозначилась тенденция к увеличению абсолютных расходов домохозяйств на оплату врачебных услуг и лекарств. В итоге возростал удельный вес расходов населения на медицинские цели во всех его затратах и одновременно повышалась доля личных расходов граждан в суммарных показателях расходов на здравоохранение в России и каждой из стран Центральной Азии и Южного Кавказа.

26. Анализ основных количественных индикаторов, характеризующих состояние науки в изучаемых странах на протяжении двадцати лет после распада СССР, показал: снижение объема выполненных научно-технических работ в годы кризиса происходило быстрее и в больших масштабах, чем сокращение всего ВВП, тогда как восстановление объема научно-технических работ (НТР) шло медленнее, роста ВВП. Так, в большинстве стран-членов СНГ к концу 2000-х гг. превышен докризисный уровень ВВП. Но при этом объем выполненных научно-технических работ был все еще в разы ниже уровня 1990 г.: в Армении – в 7 раз; в Азербайджане – в 2,5 раза; в Грузии – в 12–13 раз (данные на 2005 г.); в России – вдвое, а в Таджикистане почти в 10 раз. Сокращение объемов НТР в худшие годы кризиса переходного типа в ряде стран Центральной Азии и Южного Кавказа достигало катастрофических масштабов. Объем НТР был меньше значений 1990 г.: в Армении в 1995 г. – в 58 раз; в Грузии в 1994 г. – в 365 раз (!); в Азербайджане в 1994 г. – в 64 раза; в Таджикистане в 1997 г. – в 60 раз. Все эти данные рассчитаны по материалам национальной статистики указанных выше государств. Однако учитывая ее неудовлетворительное состояние в годы кризиса, они могут быть преувеличенными. Но это не меняет общую тенденцию к сокращению масштабов выполненных НТР. В годы кризиса и даже после его завершения многократно сократились объемы НТР, снизились показатели занятости в сфере науки. Так, масштабы сокращения численности специалистов-исследователей относительно уровня 1990 г. составили от 36 % (в Азербайджане в 2001 г.) до 85 % (в Армении в 1995 г.). Даже к концу 2000-х гг. в странах Центральной Азии и Южного Кавказа не был преодолен и пятидесятипроцентный рубеж численности занятых научными исследованиями и разработками в 1990 г. (исключение – Азербайджан). Во всех этих государствах относительное сокращение числа занятых научными исследованиями было боль-

шим, чем снижение общего числа занятых в экономике. Важный показатель, характеризующий сравнительную эффективность сферы науки – количество научных публикаций в расчете на 1000 специалистов-исследователей. В период с 1995 по 2007 гг. значения соответствующих индикаторов, по данным международной статистики, в России и других странах-членах СНГ оказались в несколько раз ниже, чем в государствах Западной Европы (см. рис. 4).

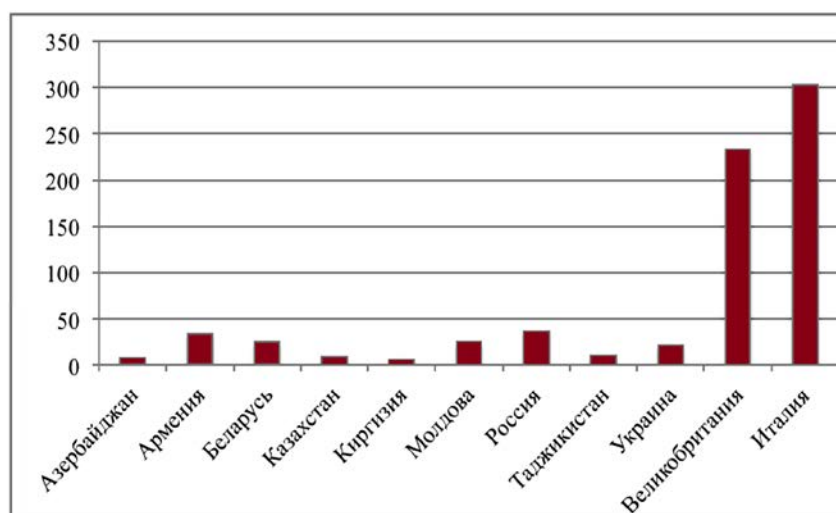

Рис. 4. Среднегодовое количество статей, опубликованных (в расчете на 1000 специалистов-исследователей) в 1996–2009 гг. в странах-членах СНГ, Великобритании и Италии в изданиях, индексируемых системами цитирования SCI и SSCI

Низкие библиометрические показатели стран-членов СНГ отчасти объясняются малым числом публикаций в журналах, охваченных международными индексами цитирования. Например, из более чем полутора тысяч изданий Перечня ведущих рецензируемых научных журналов и изданий для опубликования основных научных результатов диссертаций Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации лишь 114 (т.е. меньше 8 % от всех рекомендованных ВАК МОиН РФ) учитывались системами SCI и SSCI. Не все российские журналы, входящие в этот Перечень, характеризуются высоким научным уровнем публикуемых в них статей. Однако в отдельные годы даже некоторые ведущие российские экономические журналы не входили в число изданий, охваченных SSCI. Возможно, это объяснялось недостатком специалистов, свободно владеющих русским языком среди ответственных за составление списка изданий, охваченных указанным индексом. Не исключено, что эти специалисты могли руководствоваться своими предпочтениями, симпатиями и антипатиями, не всегда объективно отражавшими научный уровень публикаций в российских журналах.

Другой важный индикатор меры эффективности научной сферы – данные о количестве зарегистрированных прав на изобретения, открытия и раз-

ного рода усовершенствования (патенты), сделанные гражданами изучаемых стран. Широко распространенное использование в международной статистике данных о количестве поданных патентных заявок не всегда способствует, а нередко существенно искажает истинное положение дел. Более адекватное представление об успехах той или иной страны в рассматриваемой сфере дают не заявки, а выданные ее гражданам патенты, т.е. результативные заявки на изобретения и открытия, права на которые подтверждены Всемирной организацией интеллектуальной собственности. Например, в США за период с 1995 по 2008 гг. успешной оказалась почти каждая вторая заявка; в Китае каждая четвертая заявка стала патентом. В России данное соотношение может считаться высоким: две из трех поданных заявок становились патентами, что превышает аналогичный показатель США. Наконец, число патентов в расчете на каждую тысячу исследователей в Казахстане и России оказалось вполне сопоставимым с аналогичным показателем в Германии, а также значительно превышало соответствующие данные в Португалии и Китае.

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Монографии

1. Карамурзов Р.Б., Фридман Л.А. Международные экономические сопоставления на основе паритетов покупательной способности валют: теория, практика и актуальные проблемы: монография. – М.: Изд-во МГУ им. М.В. Ломоносова. Институт стран Азии и Африки, 2014. – 6,5 п.л. (в том числе автора – 4,0 п.л.).

2. Карамурзов Р.Б. Социально-экономическое развитие стран Центральной Азии и Южного Кавказа (1990–2010 гг.): монография. – М.: Изд-во МГУ им. М.В. Ломоносова. Институт стран Азии и Африки Москва, 2014. – 13,1 п.л.

Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, рекомендованных ВАК РФ

3. Карамурзов Р.Б. Библиометрические показатели и патентная активность в странах СНГ и Грузии // Теория и практика общественного развития (электронный журнал). – 2014. – № 14. – 0,5 п.л.

4. Карамурзов Р.Б. Изменения в структуре потребительских расходов домашних хозяйств в странах Центральной Азии и Южного Кавказа в 1990–2010 гг. // Управление экономическими системами: (электронный научный журнал). – 2014. – № 8. – 0,7 п.л.

5. Карамурзов Р.Б. О некоторых индикаторах образования в странах СНГ и Грузии в 1990–2010 гг. // Социально-гуманитарные знания. – 2014. – № 7 (спец.выпуск). – 0,4 п.л.

6. Карамурзов Р.Б. О некоторых итогах раунда 2011 года Программы международных сопоставлений // Известия Кабардино-Балкарского государственного университета. – 2014. – Т. 4, № 2. – С. 56–58. – 0,2 п.л.

7. Карамурзов Р.Б. О реальной заработной плате населения в странах СНГ и Грузии в 1990–2010 гг. // Управление экономическими системами: (электронный научный журнал). – 2014. – № 9. – 0,8 п.л.

8. Карамурзов Р.Б. О некоторых аспектах состояния системы здравоохранения в странах СНГ и Грузии в 1990–2010 гг. // Управление экономическими системами: (электронный научный журнал). – 2014. – № 8. – 0,9 п.л.

9. Фридман Л.А., Карамурзов Р.Б. Содружество Независимых Государств в окружающем мире // Россия XXI. – 2013. – № 1. – С. 24–43. – 0,9 п.л. (в том числе автора – 0,5 п.л.).

10. Карамурзов Р.Б. Из истории развития теории паритета покупательной способности валют // Социально-гуманитарные знания. – 2010. – № 11. – С. 320–327 – 0,5 п.л.

11. Карамурзов Р.Б. О раунде 2005 года Программы международных экономических сопоставлений // Социально-гуманитарные знания. – 2010. – № 7. – С. 470–478. – 1 п.л.
12. Карамурзов Р.Б. О концепции паритета покупательной способности валют // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. – 2010. – № 3. – С. 97–106 – 1 п.л.
13. Карамурзов Р.Б. Жилищные условия населения в странах Центральной Азии и Южного Кавказа (1990–2010 гг.) // Известия Кабардино-Балкарского государственного университета. – 2013. – Т. 3, № 1. – С. 104–111. – 0,8 п.л.
14. Karamourzov R. The development trends of science in the CIS countries on the basis of some scientometric indicators // Scientometrics. – 2012. – Vol. 91, № 1. – P. 1–14. – 0,8 п.л.
15. Карамурзов Р.Б., Фридман Л.А. Проблемы международных экономических сопоставлений (Китай, Россия и другие страны в геоэкономической картине мира) // Россия XXI. – 2011. – № 4. – С. 20–57. – 1,5 п.л. (в том числе автора – 0,8 п.л.).
16. Карамурзов Р.Б., Фридман Л.А. Проблемы международных экономических сопоставлений (о некоторых спорных вопросах и расчетах) // Россия XXI. – 2011. – № 3. – С. 54–85 – 1,5 п.л. (в том числе автора – 0,8 п.л.).
17. Карамурзов Р.Б. Положение науки в странах Содружества Независимых Государств в период кризиса переходного типа, восстановительного и поствосстановительного экономического роста (1991–2008 гг.) // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. – 2010. – № 1. – С. 225–231 – 0,8 п.л.

Статьи в научных сборниках

18. Фридман Л.А., Карамурзов Р.Б. Россия, Центральная Азия и Южный Кавказ в окружающем мире // Глобалистика как область научных исследований и сфера преподавания. Специальный выпуск. – М.: Изд-во МГУ, 2014. – С. 277–289.
19. Карамурзов Р.Б. Тенденции развития науки стран СНГ на основе наукометрических показателей // Материалы Международной научной конференции молодых ученых, аспирантов и студентов «Перспектива–2010». – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2010. – Т. 3. – С. 119–123. – 0,25 п.л.
20. Карамурзов Р.Б. Российская наука: современное состояние, основные тенденции и некоторые экономические аспекты развития // Материалы Международной научной конференции молодых ученых, аспирантов и студентов «Перспектива–2009». – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2009. – Т. 3. – С. 100–110. – 0,6 п.л.
21. Карамурзов Р.Б. К вопросу о состоянии жилищного сектора в республиках Южного Федерального округа // Материалы Международной науч-

ной конференции молодых ученых, аспирантов и студентов «Перспектива–2008». – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2008. – С. 95–100. – 0,2 п.л.

22. Карамурзов Р.Б. Жилищное строительство в Российской Федерации: современное состояние и перспективы развития // Материалы Международного конгресса студентов, аспирантов и молодых ученых «Перспектива–2007». – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2007. – С. 51–55. – 0,3 п.л.

Доклады на научных конференциях

23. Фридман Л.А., Карамурзов Р.Б. Проблемы экономической интеграции государств-участников СНГ (предпосылки, препятствия, перспективы) в сборнике Ломоносовские чтения. Востоковедение : тезисы докладов научной конференции (Москва, 15 апреля, 2013 г. // Ломоносовские чтения. Востоковедение. Тезисы докладов научной конференции (Москва, 15 апреля 2013 года). – М.: Ключ-С, 2013. – С. 166–167.

24. Фридман Л.А., Карамурзов Р.Б. Россия, Центральная Азия и Южный Кавказ в окружающем мире // III Международный конгресс «Глобалистика»: «Большой Ближний Восток в глобальной политике». 24 октября 2013 г. – М.: Изд-во МГУ, 2013. – С. 82–84.

25. Карамурзов Р.Б. Динамика номинальной и реальной заработной платы в странах Центральной Азии и Южного Кавказа (1990–2010 гг.) // Ломоносовские чтения. Востоковедение. Тезисы докладов научной конференции. – Востоковедение. – М.: Ключ-С, 2012. – С. 134–135.

26. Карамурзов Р.Б. Страны Центральной Азии и Южного Кавказа (1991–2008 гг.). Положение науки в период кризиса переходного типа, восстановительного и поствосстановительного экономического роста // Ломоносовские Чтения. Востоковедение: тезисы докладов научной конференции / отв. ред. М. С. Мейер, Л.В. Гевелинг. – М.: Ключ-С, 2010. – С. 151–153.